Книга 1 из цикла «Безусловность»

СОЗДАННАЯ ИЗ ПЕПЛА И ПЛАМЕНИ

18+

Мэй Торн

Мэй Торн

Безусловность. Созданная из пепла и пламени

https://litres.ru/73819069
SelfPub; 2026

Аннотация

Николь всегда верила в любовь, семью и безопасность своего мира. Но однажды ей приходится столкнуться с тайнами прошлого, странным артефактом и силой, которая может изменить всё. Чем глубже она погружается в правду о себе и своих близких, тем яснее понимает: любовь и предательство порой идут рука об руку, а самая страшная тьма может скрываться внутри.

Что, если самые близкие лгали тебе всю жизнь?

Что, если чувства, которым ты доверяешь, ведут тебя к гибели?

И что, если настоящая опасность — это ты сама?

«Безусловность. Созданная из пепла и пламени» — история о первой любви, семейных тайнах, тьме внутри человека и выборе, который меняет судьбу.

Первая книга серии.

Содержание

Предисловие	4
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	25
Глава 3	34
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Мэй Торн
Безусловность. Созданная из пепла и пламени

Предисловие

Настоящее время

Воспоминания — странная штука. Мы думаем, что помним события, но на самом деле мы сохраняем в памяти лишь эмоции — те моменты, которые наш мозг почему-то считает жизненно необходимыми.

Вот бы можно было перематывать их, как кинопленку, когда вздумается. Посмотреть те события заново и попытаться понять: а было ли в них хоть что-то искренним? Уловить детали, на которые ты не обратил внимания сразу. Заметить ту едва уловимую тень на лице, которая выдала бы с головой: человек, стоящий напротив и смотрящий тебе прямо в глаза, — лжец.

Если бы я смотрела внимательнее... Заметила бы я, как нервно дергается его рука, когда он говорит? Как сбивается его дыхание от неудобных вопросов? Что я упустила? Что-то ведь должно было выдать его! Любая мелочь, кричащая: «Не верь! Это всё ложь!»

Если бы я знала, чем все закончится, поступила бы как-то по-другому? И изменило бы это ход дальнейших событий? Сейчас я думаю, что да. Но тогда... То ли из-за подростковой наивности, то ли от желания быть нужной, я верила ему безоговорочно. Он мог сказать что угодно, а я бы слушала и слушала. Это была полная, абсолютная преданность. А возможно, я просто всегда видела в людях то, что хотела, закрывая глаза на пугающую реальность.

Пролог

За 7 лет до рождения Николь

Эванджелина стояла посреди гостиной, тяжело опираясь о край обеденного стола. В тусклом свете единственной лампы было видно, как из ее носа на пол капала кровь.

Магический барьер, который она непрерывно поддерживала пять лет, рухнул десять минут назад, ровно в тот момент, когда в спальне наверху раздался первый крик ее новорожденного сына. Роды прошли тяжелее, чем она ожидала, и забрали ее последние силы. Она подарила жизнь, но лишила свою семью безопасного убежища, а этого Эва допустить не могла.

— Эва, посмотри на меня, — Ричард отчаянно схватил ее за плечи. Его руки дрожали, в глазах плескалась паника человека, чей мир только что рухнул. — Мы успеем. Машина заправлена. Я понесу Эдриана, ты возьмешь Коула...

— Нет, Рик, — ее голос был тихим, но в нем звучала сталь. — Теперь они знают, где мы. Это лишь вопрос времени, как скоро они сюда доберутся. Ищейки идут по моему следу. Если мы поедем вместе, то умрем все.

Ричард замотал головой, отказываясь верить, но Эва уже отстранилась от него. Позади мужа стоял ее теперь уже старший сын. Пятилетний Коул прижимал к груди плюшевого медведя и смотрел на мать огромными, испуган-

ными глазами.

Она опустилась на колени перед ним.

— Коул, мой храбрый мальчик... — Эва дрожащими пальцами сняла со своей шеи кожаный шнурок, на котором висел почерневший от времени серебряный кулон в форме шипа. Она надела его на шею сына и спрятала под ткань его футболки. Металл обжег детскую кожу холодом.

— Мамочка, куда мы едем? — тихо спросил он, шмыгнув носом.

— Ты едешь с папой и братом. И ты должен мне кое-что пообещать, Коул. Слушай меня внимательно, — она сжала его маленькие плечи так сильно, что мальчик вздрогнул. — Никогда не снимай это. Одну руку она положила на грудь сына, слегка придавливая кулон через ткань к коже ребенка. — Никогда и никому не показывай. Даже папе. Спрячь его и носи всю жизнь. Ты понял?

Коул медленно кивнул, его глаза наполнились слезами.

— Я обещаю.

Эва выдохнула и крепко обняла Коула, прижимая его к себе, вдыхая запах детских волос, возможно, в последний раз. Затем она резко отстранилась, поднялась и подошла к комоду. Оттуда она достала тяжелый сверток из плотной кожи.

— Возьми это, — она впихнула сверток прямо в рюкзак Ричарда.

Внутри лежало то, ради чего Орден был готов сжечь

мир. Больные фанатики, возомнившие себя блюстителями судеб и решившие, что имеют право играть жизнями ни в чем не повинных людей.

— Спрячь его так хорошо, как только сможешь. Орден не знает, что я разделила ключ и замок. А без одного, второе не имеет смысла.

— Эва, я не оставлю тебя! Это же верная смерть! А как же Эдриан? Ему как никогда нужна сейчас мама. А Коул? Ты понимаешь, что с ними будет? Должен быть какой-то другой выход! — голос Ричарда сорвался на хрип. Сверху, из переносной люльки, снова заплакал новорожденный Эдриан.

— Выхода нет, Рик. Ты должен сделать так, как я сказала. Ради них. — Она прикоснулась окровавленными пальцами к щеке мужа, оставляя на ней красный след. — Я очень люблю тебя. И я знала, на что шла, когда сбежала. Я ни о чем не жалею. Ты подарил мне пять лет настоящей жизни — маленькой, но такой прекрасной свободы. Не заставляй меня думать, что моя жертва была напрасной. А теперь забирай Эдриана и уезжайте!

Эванджелина вытолкнула Ричарда в коридор, к лестнице. Она намеренно осталась внизу, стиснув зубы до боли в челюсти. Она знала: если поднимется наверх, если хоть на секунду возьмет крохотного Эдриана на руки — она сломается и уже не сможет их отпустить. Ричард, глотая слезы, бросился на второй этаж. Через минуту он уже сбегал вниз, судорожно прижимая к груди переносную люльку

с плачущим малышом, подхватил Коула за руку и потащил их к черному ходу, ведущему в гараж...

...Пятилетний Коул сидел на заднем сиденье отъезжающей машины. Он смотрел в окно, но слезы застилали глаза так сильно, что он едва мог различить силуэт матери, неподвижно застывшей у окна их комнаты. Он не понимал, почему им понадобилось так срочно бежать из дома. Он все еще наивно надеялся, что она сейчас передумает, скажет, что всё будет хорошо, выбежит на улицу и сядет в машину рядом с папой.

Коул не понимал, что именно происходит, но одно он знал точно. Мамочка не поедет с ними. Мамочка остается здесь. Она оставляет его навсегда.

Глава 1

Николь 5 лет

Это был пасмурный, дождливый день.

Осень в Пенсильвании редко бывает приветливой и всегда славилась своим меланхоличным, угрюмым нравом, омрачающим всё вокруг. Она не укутывает золотом, а пробирается под одежду промозглым холодом, пахнет мокрой травой и увядающими листьями. В тот день тяжелый туман спустился с лесистых холмов и проглотил наш городок целиком. Он был таким плотным, молочно-белым и вязким, что казалось, его можно резать ножом.

Улицы тонули в беспросветной, давящей серости. Небо словно опустилось на самые крыши домов, проливаясь монотонным, ледяным дождем. В такую погоду краски выцветают, звуки стихают, а мир за окном превращается в размытое акварельное пятно.

Мама готовила мой любимый осенний напиток — какао с бананом и арахисовой пастой. Понятия не имею, за что я так полюбила это странное сочетание, но в другие дни я наотрез отказывалась пить что-то иное. Эти редкие выходные дни были нашим священным ритуалом. Мама работала на износ, часто возвращаясь домой уставшей, но для меня у нее всегда находились силы. Она была воплощением искренней, абсолютной доброты. Как бы сильно она ни выматывалась,

каждую свободную минуту мама отдавала мне, создавая наш маленький, непробиваемый кокон тепла назло осенней непогоде за окном.

По телевизору показывали какое-то утреннее шоу, когда сквозь шум дождя прорезался резкий звонок в дверь. Мы удивленно переглянулись. Мама на миг нахмурилась — мы никого не ждали.

— Посиди здесь, милая, — мягко сказала она, поднимаясь с дивана. — Я посмотрю, кто там.

Я взяла пульт, щелкая каналы в поисках мультиков, и так увлеклась, что не сразу поняла — мама не возвращается. Из просторного холла у входной двери доносились приглушенные голоса. Мама вела оживленную беседу с каким-то мужчиной.

До меня доносились лишь неразборчивые обрывки фраз. С самого детства я была невероятно любознательным ребенком — хотя мама со смехом называла это обычным любопытством. Не удержавшись, я сползла с дивана и на цыпочках подкралась к широкой арке, разделявшей гостиную и прихожую.

В дверях стоял высокий мужчина. Его темные, с легкой сединой волосы блестели от капель дождя, а широкие плечи скрывала влажная куртка. На его лице залегли резкие, уставшие тени, но глаза… Они смотрели на мою маму с таким глубоким, затаенным теплом, что я невольно замерла. В воздухе между ними словно натянулась невидимая, трепещущая

нить.

Я тихонько шагнула вперед, выходя из тени коридора, и, конечно же, не осталась незамеченной. Мужчина перевел взгляд на меня. На одно короткое мгновение в его темных глазах мелькнула пронзительная, тяжелая печаль, но она тут же растаяла, сменившись мягкой, искренней добротой.

Он сделал шаг навстречу, плавно опустился на корточки, оказавшись со мной на одном уровне, и, обернувшись к маме, негромко произнес:

— Это она.

Это прозвучало не как вопрос, а как абсолютное утверждение.

В ответ мама расплылась в сияющей улыбке и лишь утвердительно кивнула.

Мужчина снова повернулся ко мне. Теперь его взгляд задержался дольше. Он внимательно, но очень бережно изучал мое лицо: рассматривал глаза, а затем перевел взгляд выше и замер. Ох, ну конечно. Вот в чем дело.

— Твои волосы… — осторожно начал он.

— Уродливые, — выпалила я, резко перебив его.

Он опешил. Его глаза удивленно расширились, а за его спиной мама ахнула:

— Ники!

Но мужчина не рассердился. Он всё так же внимательно смотрел на меня и абсолютно серьезно спросил:

— Почему ты так говоришь?

— Ну… дети в подготовительном классе так говорят, — буркнула я, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

Сколько я себя помнила, я никогда не придавала значения своему цвету волос. До тех пор, пока однажды кто-то из детей маминых знакомых не спросил, крашу ли я их и как мама вообще мне такое разрешила. Я тогда очень удивилась — мне казалось диким, зачем кому-то брать обычные краски и мазать ими голову.

Но после того случая я начала присматриваться к другим детям. У всех девочек волосы были понятными, обычными: светлыми, темными или просто рыжими. Мои же были... другими. Этот цвет невозможно было описать одним словом или отнести к чему-то знакомому — что-то странное, среднее между глубоким каштановым и сияющей медью. До поры до времени ко мне не особо приставали с расспросами, но всё изменилось, когда я пошла в школу.

Сначала это были косые взгляды, перешептывания, но никто ничего не говорил, пока однажды один одноклассник обозвал меня.

— Один мальчик сказал, что они цвета ржавчины. А потом другие стали называть меня «Грязной монеткой» и говорить, что мои волосы похожи на засохшую болячку, — тихо призналась я, чувствуя, как к горлу подкатывает обида. — Поэтому они уродливые.

Повисла тишина. Я ждала, что взрослый мужчина сейчас начнет говорить то, что обычно говорила мама: «не обращай

внимания», «они просто глупые» или «ты очень красивая». Но он этого не сделал.

Вместо этого он протянул руку и очень осторожно, почти невесомо, прикоснулся к пряди моих волос, перебирая ее пальцами.

— Ржавчина? — его голос прозвучал низко и задумчиво. В его тоне не было жалости, только искреннее несогласие. — Ржавчина разъедает металл, потому что она слабая. А этот цвет... Знаешь, что он мне напоминает?

Я недоверчиво подняла на него глаза и мотнула головой.

— Дикий огонь, — совершенно серьезно сказал он, глядя мне прямо в глаза. — Древнюю бронзу. И осенний лес перед бурей. Те, кто называет их уродливыми, просто слишком малы, чтобы понять, как выглядит настоящая редкость.

Я затаила дыхание. Никто и никогда не говорил со мной так... по-взрослому. В его словах была такая непоколебимая уверенность, что внутри меня что-то тепло расцвело, а тяжелая обида, сжимавшая горло, вдруг показалась совсем крошечной и неважной. Я почувствовала себя не странной, а... особенной. И в ответ лишь робко, но искренне ему улыбнулась.

Ричард медленно поднялся на ноги и посмотрел на мою маму. Та стояла, прислонившись к дверному косяку, и в ее глазах блестели слезы, которые она поспешно сморгнула.

Я переводила взгляд с мамы на этого большого, теплого человека, и слова сорвались с губ быстрее, чем я успела по-

думать.

— Вы мой папа?

Не прошло и пяти минут с момента нашей встречи, а я умудрилась уже во второй раз заставить его глаза удивленно округлиться. Повисла секундная пауза.

— Ох, милая... — он немного замешкался, словно подбирая правильные слова, а затем покачал головой. — Нет. Я не твой папа.

От его слов на меня разом навалилась тяжелая, липкая грусть. Мне так отчаянно захотелось, чтобы это был он. Но не успела я опустить глаза, как он добавил — тихо, но с такой искренностью, что это отпечаталось в моей памяти навсегда:

— Но я бы очень хотел им быть.

Резкий, нетерпеливый гудок машины за окном разорвал тишину, грубо вырывая нас из этого хрупкого, уединенного момента.

Ричард прочистил горло, словно сбрасывая с себя наваждение.

— Прости, Сара, — его голос снова стал уставшим и напряженным, иллюзия волшебства окончательно рассеялась. — Я знаю, что свалился как снег на голову. Мальчикам... им сейчас со мной нельзя. Они ждут в машине. Я могу попросить тебя об огромном одолжении? Им нужно укрытие. Хотя бы на одну ночь.

Мама выпрямилась, стряхивая с себя остатки сентиментальности, и посмотрела на него с абсолютной, непоколеби-

мой уверенностью.

— После всего, что ты для меня сделал, Рик... Мог бы даже не спрашивать. Конечно, пусть остаются столько, сколько потребуется.

Входная дверь открылась, впуская в дом холодный утренний ветер. Вместе с Ричардом в прихожую шагнули двое мальчиков.

Младший, на вид лет семи, робко жался к отцу, стараясь спрятаться за его спиной. Его влажные темные кудряшки прилипли ко лбу, а на бледном носу едва заметно проступала россыпь веснушек. Видя его неловкость, я сделала шаг вперед.

— Привет. Я Николь, — просто сказала я. — А ты?

Мальчик осторожно выглянул из-за отца, и я впервые увидела его глаза — огромные, потрясающего зеленого цвета. Но вместо того, чтобы ответить, он внезапно замер. Его взгляд был прикован к моим волосам. Он смотрел на этот странный, медно-каштановый цвет, из-за которого я только что плакала, совершенно завороженно. В его глазах не было ни насмешки, ни отвращения — только чистое, искреннее восхищение, словно он увидел что-то волшебное.

Ричард опустил теплую ладонь на плечо сына, мягко выводя его из пелены мыслей.

— Эдриан? — с легкой улыбкой позвал он, словно подталкивая мальчика ответить.

Эдриан часто поморгал, возвращаясь в реальность. Его

щеки слегка порозовели от смущения. Он сделал неуверенный шаг ко мне и по-взрослому протянул руку:

— Я Эдриан. Привет.

Я расплылась в широкой улыбке. Вместо того, чтобы пожать его ладонь, я просто перехватила его руку своими маленькими пальцами и уверенно потянула за собой в гостиную, где по телевизору все еще шли мультики.

Но стоило нам сделать шаг, как тишину разрезал резкий, недовольный голос:

— Ну и где моя комната?

Я обернулась. Старший мальчик, которому было на вид лет двенадцать, всё это время стоял у самого порога. В отличие от брата, в нем не было ни капли мягкости. У него были темные короткие волосы и какое-то слишком взрослое, напряженное лицо. Его пронзительные, холодные глаза сканировали нашу прихожую, чистые ковры, картины на стенах. Для него этот дом был слишком уютным, слишком... чужим.

А затем его взгляд метнулся ко мне и к Эдриану, чью руку я всё еще держала. Коул увидел, *как* его младший брат смотрит на меня. Что-то резкое, болезненно-ревнивое мелькнуло в лице подростка. Его челюсть сжалась.

— Дорога была неблизкой, знаете ли, — добавил он со злой усмешкой, глядя на мою маму исподлобья.

Ричард нахмурился.

— Коул, — его голос прозвучал низко и строго. — Извинись. И не язви.

Подросток тяжело вздохнул, демонстративно закатил глаза к потолку и процедил сквозь зубы с максимальным сарказмом, на который был способен:

— Извините. Скажите, *пожалуйста*, где моя комната???

Мама мягко улыбнулась, ничуть не смутившись грубости подростка. Она понимала то, чего пока не понимала я: этот колючий мальчишка просто смертельно устал и был напуган не меньше своего младшего брата.

— Всё в порядке, Рик. Не ругай его, — примирительно сказала она, подходя к двери, ведущей на цокольный этаж. — Пойдем, я покажу, где вы сможете отдохнуть. Внизу есть просторная гостевая комната. Там тепло и вас никто не потревожит.

Она открыла дверь и щелкнула выключателем. Мягкий свет залил деревянные ступеньки, ведущие вниз, в уютный обустроенный подвал.

Коул даже не посмотрел на нас. Он молча подхватил с пола свой старый рюкзак и направился к лестнице. Проходя мимо, он бросил на меня и Эдриана последний, мрачный взгляд.

— Идешь, Эд? — сухо бросил он брату.

Эдриан вздрогнул. Он перевел взгляд с темного лестничного пролета на яркий экран телевизора в гостиной, где мелькали мультяшные герои, а затем снова посмотрел на меня. Моя рука всё еще крепко сжимала его ладонь.

— Я... я выспался в машине, — тихо, но упрямо ответил

Эдриан.

Коул скрипнул зубами. На секунду мне показалось, что он сейчас подойдет и силой утащит брата за собой. Но подросток лишь тяжело выдохнул, плотнее перехватил лямку рюкзака и, больше не сказав ни слова, спустился вниз. Через мгновение снизу послышался звук захлопнувшейся двери.

В прихожей повисла тишина, прерываемая лишь бормотанием телевизора.

Ричард устало потер лицо руками, словно этот короткий спор забрал у него последние остатки сил.

— Пусть посмотрят мультики, если хотят, — тихо сказал он маме. — А мне нужно... закончить одно дело.

Я потянула Эдриана за руку, усаживая его на мягкий ворс ковра прямо перед экраном. Мама, всё это время внимательно наблюдавшая за нами, чуть нахмурилась.

— Эдриан, милый, да ты совсем замерз, — мягко произнесла она, заметив, как мальчик напряженно жмет плечи в своей сырой куртке. — Я пока буду готовить обед, а сейчас могу сделать тебе горячий сэндвич. Или как насчет большой кружки горячего какао?

Я тут же радостно подпрыгнула на ковре.

— О да! И обязательно по моему фирменному рецепту! — важно заявила я. И, повернувшись к Эдриану, с гордостью пояснила: — С бананом и арахисовой пастой!

Ты когда-нибудь пробовал такое? — И, не дожидаясь ответа, добавила: — Это очень вкусно, правда!

— Э-эм... нет, не пробовал, — немного смущенно ответил он. — Но если ты говоришь, что это вкусно, то я тебе поверю.

— А Коул? — с беспокойством спросила мама у Ричарда.

— Поверь, он сам даст тебе знать, если ему что-то понадобится, — с ухмылкой ответил он. — Лучше пока его не трогать.

Мама тепло улыбнулась, явно радуясь возможности хоть как-то позаботиться о гостях.

— Тогда два фирменных какао, — она кивнула Ричарду и скрылась на кухне, откуда вскоре послышался звук блендера и тихий гул закипающего молока.

Мы с Эдрианом остались в гостиной. По телевизору как раз началась новая серия мультиков, но мальчик почти не смотрел на экран. Я повернула голову и поймала его взгляд — он снова разглядывал мои волосы.

— Я вас раньше не видела в нашем районе. Вы откуда? — спросила я.

— Э-эм... мы не из этих мест, но родился я в Ноксвилле.

— А где твоя мама?

Эдриан как-то грустно посмотрел на меня, а затем устремил взгляд куда-то сквозь, будто задумался о чем-то. Мне показалось, что он ничего не ответит, но затем он тихо произнес:

— Она умерла, когда я родился. Я не люблю об этом говорить.

Для меня, пятилетней, услышать такое было настоящим

шоком. Я совершенно не знала, что говорят в таких случаях, поэтому единственное, что пришло в голову — это поделиться своей собственной болью:

— Ты хотя бы точно знаешь, где твоя мама. А вот где мой папа, я не знаю. Мама никогда мне о нем не рассказывает. И я ни разу его не видела.

Эдриан посмотрел на меня своими большими зелеными глазами, и в них мелькнуло совершенно недетское, глубокое понимание. Он неловко потянулся и ободряюще, как взрослый, коснулся моего плеча.

— Мне очень жаль, Николь, — тихо сказал он.

Он замолчал, а потом снова перевел взгляд на мои волосы, словно пытаясь перевести тему на что-то хорошее.

— У тебя правда очень красивые волосы, — искренне добавил он. — Как огонь.

Я довольно улыбнулась и отвернулась к телевизору. В этот момент мое внимание привлекло движение в дальнем углу комнаты, у самого основания лестницы. Я скосила глаза.

Ричард стоял на коленях у стены. Видимо, он думал, что мы увлечены разговором, и не обращаем на него внимания. В его руках был тяжелый, перевязанный шнуром сверток из плотной потертой кожи — он только что достал его из своего рюкзака. Ричард подцепил пальцами широкую декоративную панель у самого пола, скрывавшую пространство под лестницей. Деревяшка тихо поддалась. Он засунул кожаный сверток глубоко внутрь, в самую темноту, а затем аккуратно

вставил панель обратно, защелкнув скрытый замок.

Я пожала плечами и снова уставилась в телевизор. Взрослые вечно прячут какие-то скучные вещи вроде важных документов. Мне, пятилетней, не было до этого никакого дела. Я и представить не могла, что именно этот человек только что замуровал в фундаменте моего дома.

Ричард поднялся с колен, отряхнул руки и подошел к нам. Он присел на корточки рядом с Эдрианом и крепко прижал его к себе. Мальчик уткнулся носом в отцовское плечо.

— Будь умницей, Эд. Слушайся Сару, — глухо произнес Ричард, целуя сына в темную макушку. — Я скоро вернусь. Обещаю.

В дверях кухни появилась мама с двумя дымящимися, невероятно вкусно пахнущими кружками какао. Она молча посмотрела на Ричарда. Ей не нужно было ничего объяснять.

— Спасибо тебе. За всё, — тихо сказал он ей, надевая сырую куртку. Говорил он почти шепотом, но я всё равно услышала.

— Здесь вам всегда рады. Можешь быть уверен. — сказала мама, ставя кружки на столик.

Ричард бросил последний взгляд на Эдриана, а затем посмотрел на меня и тепло подмигнул.

— Пока, принцесса.

Я робко улыбнулась ему в ответ, провожая его взглядом. Он отвернулся и шагнул за дверь. Замок тихо щелкнул.

Мы допили наше фирменное какао. Помню, как после тя-

желой дороги Эдриан всё-таки не выдержал и уснул прямо на диване в гостиной под бормотание телевизора.

Я старалась играть как можно тише, чтобы их не разбудить. Весь остаток того дня в доме стояла звенящая тишина — мальчики отсыпались.

На следующее утро я проснулась от того, что теплая мамина рука ласково поглаживала меня по волосам.

— Доброе утро, доченька, — тихо сказала она.

Я сладко зевнула, потянулась под одеялом и тут же резко села на кровати, вспомнив о своем новом друге.

— А Эди уже проснулся? — с радостным предвкушением затараторила я. — А он уже завтракал? Может, мы позавтракаем вместе, а потом пойдем гулять? Я покажу ему двор!

Улыбка на мамином лице стала немного грустной. Она мягко отвела медную прядь с моего лба.

— Ох, милая... Эди уехал, — вздохнула она.

Внутри у меня всё сжалось от внезапной детской обиды. Мне так хотелось с ним поиграть, хотелось доказать его колючему старшему брату, что у нас весело.

— Ричард приехал очень рано, — продолжила мама, видя, как на мои глаза наворачиваются слезы. — Они очень торопились. Он не стал дожидаться, пока ты проснешься, и будить тебя не захотел. Но он просил передать, что вы еще обязательно увидитесь.

В пять лет время течет иначе. Несколько дней я грустила, всё еще надеясь, что машина дяди Ричарда снова подъедет к

нашему крыльцу, но шли месяцы, и детская гибкая память начала стирать лица двух мальчишек.

А потом мне исполнилось семь.

Глава 2

Это был мой день рождения. Я сидела в гостиной в нарядном платье, когда в дверь позвонили. Мама открыла, и я услышала знакомый глубокий голос. Выбежав в прихожую, я замерла. На пороге стоял дядя Ричард, а рядом с ним — немного подросший зеленоглазый мальчик с темными кудряшками. В руках он неловко сжимал небольшую коробку, перевязанную лентой.

— Привет, Эди, — неловко выдохнула я, чувствуя, как лицо расплывается в широкой улыбке.

Он тоже немного замялся, но затем искренне улыбнулся в ответ, и на его щеках появились ямочки.

— Привет, Николь. С днем рождения. — он немного неуверенно протянул мне ту самую коробку с лентой.

Я выглянула за их спины, ожидая увидеть старшего брата, но на крыльце больше никого не было.

— А где твой брат? — спросила мама, забирая у Ричарда куртку. — Я думала Коул тоже будет?

Ричард тяжело, по-отцовски вздохнул.

— Коул теперь слишком взрослый и независимый для таких поездок. У него свои приятели, свои увлечения... Вытащить его куда-то стало настоящим испытанием.

Меня отсутствие колючего мальчишки совершенно не расстроило.

Поэтому я перевела взгляд на красивую коробку, которую держала в руках.

— А можно мне сейчас открыть? — с надеждой спросила я.

— Конечно, дорогая, — улыбнулся Ричард, и Эдриан протянул мне подарок.

Я с усердием разорвала нарядную упаковку и замерла. Внутри лежала кукла. Она была действительно очень красивой: в пышном платье и с длинными рыжими волосами, почти как у меня.

— Спасибо, — тихо сказала я, как и положено воспитанной, хорошей девочке.

Проблема была во мне: я совершенно не любила играть в куклы. Меня не интересовали чаепития пластмассовых принцесс и переодевания. И я очень этого стеснялась. Мне казалось, что если я признаюсь, то все подумают, что я какая-то «неправильная» девчонка. Поэтому я старательно натянула на лицо улыбку.

Но, видимо, мое секундное разочарование не укрылось от внимательных глаз дяди Ричарда. Он наклонил голову и пытливо посмотрел на меня.

— Что такое? Тебе не нравится? — мягко спросил он.

— Нет-нет, мне очень нравится! — поспешно затараторила я, крепче прижимая коробку к себе. — Всем девочкам нравятся куклы...

Ричард понимающе ухмыльнулся. Он опустился передо

мной на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, и негромко, будто это был наш секрет, спросил:

— Так... А что же всё-таки нравится конкретно *тебе*?

Я неуверенно посмотрела на маму. Потом перевела взгляд на Эди — он тоже с любопытством наблюдал за нашим разговором, и от его внимания мне стало еще более неловко. Щеки загорелись румянцем. Но глаза дяди Ричарда смотрели так по-доброму и ободряюще, что я всё-таки решилась сказать правду.

Я зажмурила глаза и выпалила:

— Я хочу телескоп.

— Телескоп? Почему я впервые об этом слышу? — удивленно переспросила мама.

— Да, — теперь мой голос зазвучал немного увереннее. — Я хочу смотреть на звезды. Хочу видеть, что там, высоко-высоко в небе. Раз я не могу до них дотянуться и потрогать, я хочу хотя бы рассмотреть их поближе. Узнать, какие они на самом деле.

Ричард тихо рассмеялся — не насмешливо, а очень тепло и искренне. Он по-отцовски взъерошил мои волосы.

— Телескоп, значит... Хороший выбор, Николь. Обещаю, в следующий раз я буду внимательнее.

А Эдриан вдруг сделал шаг вперед и с серьезным, взрослым видом произнес:

— Я читал книгу про планеты и созвездия. Если у тебя будет телескоп, я могу показать тебе созвездие Большой Мед-

ведицы.

От его слов тяжелый ком стыда мгновенно исчез, и на душе стало по-особенному легко и тепло. Я поняла, что рядом с ними мне точно не нужно притворяться или пытаться быть «правильной» девчонкой. Они просто позволили мне быть собой.

Пока мама с дядей Ричардом ушли на террасу, о чем-то тихо беседуя, я позвала Эди в гостиную и предложила послушать музыку. Но он, остановившись посреди комнаты, вдруг огляделся по сторонам и с любопытством спросил:

— А где другие гости? Когда они придут?

Моя улыбка немного померкла. Я опустила взгляд на свои нарядные туфли, но решила сказать всё как есть.

— Никто не придет, — тихо ответила я. — Мне некого было приглашать. У меня совсем нет друзей в классе. Я даже не знала, что вы приедете... Мама просто сказала, что к нам сегодня заглянут важные гости, и попросила надеть красивое платье.

Я боялась, что он сочтет меня странной, раз со мной никто не хочет дружить. Но Эдриан, как никто другой, понимал это чувство детского одиночества.

Пока я перебирала диски у проигрывателя, выбирая, какую из любимых песен включить, он подошел ближе и негромко произнес:

— Знаешь, я тоже отмечаю дни рождения только с отцом и братом. Из-за постоянных переездов я не успеваю освоить-

ся в новых школах и стать там «своим». Так что... я вроде как тебя понимаю.

Я подняла на него глаза. В них не было ни капли насмешки или жалости — только искреннее, теплое участие. И мне тоже захотелось разделить с ним это одиночество.

— Я бы очень хотела прийти на твой день рождения, — с абсолютной искренностью ответила я. — На каждый твой день рождения. Обещай, что в следующий раз обязательно позовешь меня?

Эдриан улыбнулся, и на его щеках снова появились те самые ямочки.

— Всё зависит не от меня, а от отца. Но я обязательно попрошу его, чтобы мы смогли провести этот день вместе.

Тот мой день рождения действительно стал одним из лучших. Стояла чудесная солнечная погода, мы с Эди бегали по зеленому двору, слушали и пели песни, ели торт и смеялись до упаду.

Я бы хотела, чтобы мы чаще могли проводить так время. Как одна семья.

И, видимо, спустя время, вселенная меня услышала. Хоть дядя Ричард с сыновьями по-прежнему вели какой-то странный, кочевой образ жизни, переезжая с места на место, но когда мне было около десяти, они осели в соседнем городке. Мы с Эдрианом ходили в разные школы, но теперь виделись почти каждую неделю.

Часто дядя Ричард забирал Эдриана после уроков и при-

возил к нам, а сам уезжал "по делам", оставляя его до самого вечера.

Коула с нами не было. Я знала о нем только по рассказам Эди — что он стал совсем скрытным, вечно пропадает где-то со своей компанией и часто ругается с отцом. Для меня Коул так и остался мрачной тенью из далекого детства.

Мы сидели за кухонным столом, пили теперь уже «наше» любимое какао и делали домашку.

Эдриан был невероятно увлечен книгами и математикой. В цифрах он видел то, чего не замечала я: строгую логику, скрытые алгоритмы. Он не просто решал задачи — он находил в них какой-то особый порядок, который казался мне завораживающим.

А вечером, перед тем как лечь спать, мы забирались на чердак. Устроившись на старых пледах, мы подолгу смотрели на звездное небо через небольшую люкарну, и Эди мог часами с увлечением объяснять мне, как работают физические законы вселенной или почему звезды светят так ярко.

Я же терпеть не могла цифры. До появления Эдриана мне всё это казалось до жути скучным и пресным. Мама никогда не ругала меня за средние оценки. «Главное, чтобы ты была счастлива, милая, а пятерки по алгебре жизнь не строят», — говорила она, целуя меня в макушку перед уходом на ночную смену. И я как-то никогда не переживала из-за своих троек.

Но теперь, видя перед собой такого старательного, дотошного и серьезного друга, который с фанатичным блеском в

глазах пытался разобраться в самой сложной теме, я вдруг поняла, что хочу быть лучше. Мне отчаянно хотелось дотянуться до его уровня. Быть такой же вдумчивой, начитанной, спокойной. Я стала больше времени проводить за учебниками. Правда, сказать было гораздо проще, чем сделать.

Помню один из таких вечеров в седьмом классе. Я уже минут сорок гипнотизировала задачу по физике про скорость, время и расстояние. Цифры расплывались, а мозг категорически отказывался понимать, зачем двум поездам выезжать навстречу друг другу.

С раздраженным стоном я уронила голову на раскрытую тетрадь.

— Всё, я сдаюсь. Мой мозг официально расплавился, — проныла я в страницы. — Пусть эти поезда столкнутся, мне всё равно.

Эдриан, сидевший напротив со своим продвинутым учебником по геометрии, тихо рассмеялся. Звук перелистываемой страницы затих. Он аккуратно потянул мою тетрадь к себе.

— Давай посмотрим, кого ты там решила пустить под откос, — с легкой улыбкой сказал он. Его зеленые глаза быстро пробежались по строчкам. — Ники, ты пытаешься зубрить формулу, а надо просто представить картинку.

— Я представляю картинку: я, грустная, с двойкой за четверть.

— Смотри, — он придвинул свой стул ближе, так, что на-

ши плечи почти соприкоснулись. Он взял карандаш и быстро набросал на полях два кружочка. — Забудь про формулы на секунду. Представь, что пункт А — это твой дом. А пункт Б — это место, где я сейчас живу. И вот мы выходим навстречу друг другу. Я иду быстрее, потому что у меня ноги длиннее...

— Эй! — возмутилась я, хотя уголки губ уже предательски поползли вверх.

— Это просто факт, — невозмутимо парировал Эди, сверкнув ямочками на щеках. — Если мы выйдем в одно и то же время, где мы встретимся? Ровно посередине? Или ближе к твоему дому?

Я нахмурилась, представляя карту.

— Ближе к моему. Потому что ты пройдешь большее расстояние за то же время.

— Бинго, — Эдриан щелкнул длинными пальцами. — А теперь посмотри на эти цифры в задаче. Ты только что сама решила уравнение, даже не прикасаясь к калькулятору. Видишь? В этом есть смысл. Это не просто сухие числа, это... как код, который объясняет реальную жизнь.

Я посмотрела на свой исчерканный черновик, потом на его уверенное, спокойное лицо. И вдруг всё действительно встало на свои места. Рядом с ним я чувствовала, что любая проблема имеет решение, а самое сложное становится удивительно простым и понятным. Словно он обладал неким секретом, который делал мир легче.

Несмотря на эти уютные дни, в визитах дяди Ричарда всегда оставалась какая-то нервная, напряженная тайна. Он никогда не предупреждал о своем приезде заранее. Просто появлялся на пороге, а через несколько часов или на следующее утро исчезал.

Я поняла, что всё намного сложнее, чем кажется, когда мне было около одиннадцати.

Глава 3

Был поздний вечер. Эдриан уже спал у себя в подвале — он теперь всегда занимал эту обустроенную комнату внизу, когда оставался у нас. Я спустилась из своей спальни на кухню за стаканом воды. Дверь на задний двор была немного приоткрыта, и оттуда доносились приглушенные голоса. Я замерла в тени коридора, прислушиваясь. Мама и Ричард стояли на крыльце.

— Зачем ты вообще принес *это* сюда и спрятал у меня дома, Рик? — голос мамы дрожал от скрытой паники. — Если те, кто за тобой охотится, придут сюда... Представить не могу, что с нами будет, что будет с Николь...

— Все как раз наоборот, Сара. Я прячу *это* там, где никто не сможет найти, — тяжело выдохнул Ричард. Я услышала щелчок зажигалки — он закурил. — Скажи мне, ты никогда не задумывалась, почему в вашем районе так... спокойно?

— О чем ты говоришь? Это просто благополучный пригород.

— Сара, я навел справки, — его голос стал предельно серьезным. — После той ночи, когда мы познакомились... когда мне пришлось вытаскивать тебя из... я почувствовал здесь что-то странное. Знакомое. Похожее на то, что делала моя жена, пытаясь нас спрятать. Я начал копать архивы.

Ты знала, что с того самого года, как родилась Николь, в вашем районе не было зарегистрировано ни одного серьезного происшествия? Ни грабежей, ни крупных аварий. Аномальные снегопады и наводнения, которые топят соседние округа, буквально огибают ваши улицы. У вас тут не район, а утопия.

Мама потрясенно замолчала.

— Я... я просто думала, что нам повезло с местом, — растерянно пробормотала она. — Хорошие соседи, удачное расположение...

— Это не везение. Это купол. Огромная слепая зона, которая накрывает весь район, — твердо сказал Ричард. — Я потратил много времени, но все-таки вычислил ее эпицентр. Ощущение такое, будто центр тяжести поля где-то под домом. Странно, правда? То, что скрыто внизу, настолько мощное, что мой артефакт, спрятанный под лестницей, просто исчез с любых радаров. Ищейки слепы, пока он здесь. Сара, ты уверена, что ничего об этом не знала?

— Нет, что ты... По правде говоря, я так устаю после смены, что последнее, о чем я думаю, это про то, почему за окном погода солнечная, — с усмешкой сказала мама.

— Получается... ты поэтому стал чаще привозить Эди к нам? Ты понял, что здесь ему будет безопасно?

Спустя несколько секунд он ответил.

— Да... — в голосе дяди Ричарда я услышала некую сломленность и глубокую усталость. — Прости, что не говорил

раньше. Я должен был сначала убедиться в своих догадках.

— И что теперь будет? Рик, если здесь безопасно, может, вам стоит переехать сюда всем вместе? Вместе с Коулом?

Он долго ничего не говорил, и я уже собиралась уйти, как он, наконец, ответил:

— Всё не так просто, Сара. Коул... он не может здесь остаться. На это есть причины... скажем так: перед смертью Эва взяла с Коула одно обещание. Он поклялся ей, и теперь наотрез отказывается нарушать слово, даже если это могло бы дать ему безопасность. Я не могу рассказать всего, но он считает, что должен продолжать бежать, заметать следы и прятаться, как и я, вместо того чтобы наконец остановиться и успокоиться.

— Какой ужас... — прошептала мама.

— А бросить его одного я не могу, — с горечью продолжил Ричард. — Он мой сын. Упертый, колючий, наглый, но мой. И пока я могу быть с ним рядом — я буду. А что касается Эдриана... он другой. Он был слишком мал и, слава богу, не помнит того кошмара, через который прошли мы с Коулом.

Я на цыпочках попятилась назад в свою комнату, так и не налив себе воды. Мое сердце колотилось где-то в горле.

Мое детское воображение, подогретое фильмами, которые мы смотрели с Эди, тут же нарисовало невероятную картину: мой пропавший отец был правительственным агентом! Слова вроде «аномалия», «купол» и «эпицентр» звучали как

сценарий из фантастического кино. Я решила, что отец перед исчезновением построил глубоко под нашим домом секретный бункер с установкой, которая управляет погодой и отпугивает преступников. А дядя Ричард просто пользуется нашей маскировкой, чтобы прятаться от каких-то плохих людей, которые охотятся за его семьей. Клятва Коула в моей голове превратилась в типичный «кодекс чести» из боевиков.

Тогда я и подумать не могла, что Ричард говорил буквально.

Глава 4

Месяцы сменяли друг друга, и наше общение с Эди становилось чем-то само собой разумеющимся.

Однажды в очередной поздний вечер, когда мама ушла в ночную смену, мы с Эдрианом остались одни. Я сидела в гостиной, бесцельно переключая каналы, а Эдриан активно трудился над каким-то сложным школьным проектом у себя в подвале.

Тишину дома нарушало только приглушенное бормотание телевизора. Я лениво щелкала пультом, пока не наткнулась на какой-то очень странный фильм. В тот самый момент, когда я замерла на канале, на экране разворачивалась непонятная мне, но приковывающая взгляд сцена.

В тускло освещенной комнате стояла женщина. На ней было лакированное, блестящее черное платье, обтягивающее фигуру, как вторая кожа, и невероятно высокие каблуки. Ее лицо украшал агрессивный, очень яркий макияж, а в руке она держала... хлыст?

Мои брови поползли вверх. Но еще больше меня удивил мужчина в кадре. Он сидел напротив нее на полу, из одежды на нем были только черные трусы, а на шее... кожаный ошейник. Как у собаки.

Я замерла с пультом в руке. «Что за странное кино?» — пронеслось в голове. Я не понимала, что происходит. Почему

взрослый дядя в ошейнике? Почему его бьют (или собираются ударить)? Но переключить канал я почему-то не могла.

Женщина посмотрела на мужчину. В фильмах, которые мы обычно смотрели с Эди, люди смотрели друг на друга с любовью или нежностью. Но эта женщина смотрела иначе. В ее взгляде было холодное превосходство, презрение и какая-то абсолютная, непоколебимая власть.

Она слегка вздернула подбородок и ледяным тоном бросила всего два слова:

— На колени.

И взрослый, сильный мужчина безропотно повиновался. Он опустился на колени, глядя на нее снизу вверх, словно она была божеством.

Я не понимала смысла происходящего, но в этот момент где-то глубоко внутри меня, в самом низу живота, свернулся странный, горячий комок. В этой пугающей, властной картине было что-то такое, от чего по коже пробежали мурашки. Что-то завораживающее.

— Эй, Ники, ты не видела мою синюю... — голос Эдриана раздался совсем рядом.

Я вздрогнула так сильно, что едва не выронила пульт. Эди замер в дверном проеме гостиной.

Его взгляд метнулся ко мне, затем к экрану телевизора, где женщина как раз провела рукояткой хлыста по щеке стоящего на коленях мужчины. Повисла звенящая, удушливая тишина.

Лицо Эдриана в ту же секунду залилось густой краской, от шеи до самых кончиков ушей. Он был старше меня, и, судя по его расширившимся глазам, он отлично понимал, *что* именно сейчас показывают по телевизору.

— Почему ты это смотришь? Переключи, — выдохнул он хриплым, сорванным голосом.

— А? — я растерянно хлопнула ресницами, всё еще не до конца оторвавшись от странного гипноза. — А что это за фильм? Почему он в ошейнике?

— Николь, если твоя мама узнает, что ты смотришь такое в ее отсутствие, она мне уши оторвет! — его голос дрогнул, в нем смешались паника и жуткая неловкость.

Он даже отвернулся, запустив руку в свои вечно растрепанные волосы, и я видела, как напряглись его плечи. Я торопливо нажала на кнопку пульта. На экране тут же запестрила какая-то веселая реклама зубной пасты, но атмосфера в комнате уже была безвозвратно испорчена. Мои щеки тоже начали гореть — просто от того, как сильно смутился Эдриан.

— Я... я просто щелкала каналы и искала что-нибудь интересное, — пробормотала я в свое оправдание, чувствуя себя ужасно глупо.— Я не знала, что там такое будет.

— Я понял. Просто... — он помедлил, не оборачиваясь. — Тебе не нужно такое смотреть. По крайней мере, не сейчас.

Он наконец обернулся, но его взгляд был каким-то странным — быстрым, беспокойным. Он смотрел на меня не как

на девчонку, с которой вчера обсуждал школьные задачки, а как будто увидел во мне что-то новое, что его пугало.

— Я... я пойду, — добавил он почти шепотом, делая шаг назад, в сторону лестницы. — Мне нужно закончить проект.

— Эди, постой, — окликнула я его, сама не зная зачем.

Он остановился, но не повернулся.

— Спокойной ночи, Ники, — сказал он, и его голос звучал совсем не так, как обычно. В нем слышалось какое-то странное, тяжелое эхо.

Он исчез в темноте подвала, а я осталась в пустой гостиной. В ушах все еще звенел тот холодный, властный голос женщины с экрана: «На колени».

После того случая Эдриан стал меня избегать. Он больше не поднимался на кухню, чтобы проверить, как я справляюсь с домашкой, и наши вечерние посиделки под люкарной на чердаке резко прекратились. Он и так был нечастым гостем в доме, а теперь его избегания сделали наши встречи еще реже. Когда я пыталась заговорить с ним, он отводил взгляд, отвечал односложно и тут же находил повод уйти.

Сначала я злилась, а потом... потом мне стало по-настоящему страшно. Я решила, что он считает меня испорченной. Что из-за того дурацкого фильма я навсегда упала в его глазах.

Моя новообретенная тяга к учебе испарилась так же быстро, как и появилась. Учебники пылились на столе, а в дневнике снова замелькали тройки. По вечерам я забиралась на

чердак одна, садилась на наши старые пледы и смотрела на серое небо, глотая горькие слезы обиды.

Так продолжалось почти две недели.

В один из таких вечеров я сидела на чердаке, обхватив колени руками и уткнувшись в них лицом. Я так тихо плакала, что даже не услышала скрипа деревянных ступеней.

— Ники?

Я вздрогнула. Обернувшись, я увидела Эдриана, который стоял в проеме чердачного люка. В полумраке было видно, как он нахмурился, заметив мои вздрагивающие плечи. Он быстро поднялся и в несколько шагов оказался рядом, опускаясь на плед.

— Почему ты плачешь? — его голос звучал растерянно. — Кто-то в школе обидел?

— Почему это сразу в школе! И вообще, какое тебе дело? — выпалила я, шмыгнув носом и отворачиваясь к стене. — Уходи доделывать свой проект.

Эдриан тяжело вздохнул. Вместо того чтобы уйти, он придвинулся ближе.

— Проект сдан еще во вторник, — тихо сказал он. — Эй, Ники, посмотри на меня. Пожалуйста.

Я замотала головой, утирая мокрые щеки рукавом кофты.

— Зачем? Думаешь, я не поняла? Ты избегаешь меня, а все из-за какого-то дурацкого фильма! Считаешь меня грязной, испорченной!

Повисла тишина. А потом Эдриан сделал то, чего я совсем

не ожидала. Он осторожно, но крепко взял меня за плечи и развернул к себе. В его зеленых глазах не было ни капли отвращения — только глубокое чувство вины.

— Ники, послушай, — его голос был очень серьезным, почти взрослым. — Я никогда не считал тебя грязной или испорченной.

— Тогда почему ты со мной не разговариваешь? — всхлипнула я, глядя на него снизу вверх.

Эдриан провел рукой по своим волосам, взъерошив их еще сильнее. На его скулах проступил легкий румянец.

— Потому что я идиот, — честно признался он. — Мне просто было... жутко неловко. Я старше, я должен был следить за тобой, а вместо этого мы вместе наткнулись на... ну, на это. Я испугался, что ты начнешь задавать вопросы, на которые я не знаю, как отвечать. И выбрал самый глупый выход — просто избегать тебя.

Он мягко вытер слезинку с моей щеки большим пальцем. На мгновение мне показалось, что мир остановился. Его прикосновение было таким теплым и успокаивающим, что мне захотелось снова расплакаться, только бы еще раз почувствовать его касание на своей щеке.

— Прости. Я не хотел тебя обидеть. Ты же знаешь, что ты мой лучший друг. И никакой дурацкий фильм по телевизору этого не изменит.

Камень, который тяжелел в моей груди последние две недели, вдруг рассыпался в пыль. Я судорожно выдохнула и,

не сдержавшись, уткнулась носом в его плечо. Эдриан так напрягся, что на миг мне показалось: сейчас он отстранится от меня. Но вместо этого он неловко, но крепко обнял меня в ответ.

— Ну что, мир? — тихо спросил он.

— Мир, — буркнула я в его толстовку. — Но с тебя какао. Два.

Я почувствовала, как он тихо рассмеялся.

Продолжая сидеть с ним в обнимку, я не подумав ляпнула:

— Что будем делать? Останемся здесь смотреть на звезды или пойдем посмотрим какое-нибудь кино?

Повисла короткая пауза.

— Ой.

А потом мы оба расхохотались. Напряжение лопнуло, как мыльный пузырь.

— Серьезно? Хочешь снова найти подобный фильм? В прошлый раз недостаточно там рассмотрела? — фыркнул Эдриан сквозь смех.

— А я, может, для тебя стараюсь! — парировала я с вызовом.

Эдриан на секунду поперхнулся воздухом, явно не ожидая от меня такой дерзости.

— Упаси боже от таких стараний, — он легонько пихнул меня плечом, пытаясь спрятать смущенную улыбку. — Тебе еще рано о таком думать, огонек. Идем уже делать какао, пока я не рассказал твоей маме о твоих заботливых планах.

— Только попробуй! — возмутилась я, пихая его в ответ.

В тот вечер напряжение между нами сошло на нет и мы снова сидели под люкарной и пили наше любимое какао.

С тех пор тема кино стала нашей локальной шуткой, но иногда Эди относился к ней слишком серьезно.

— Знаешь, что самое обидное в фильмах? — как-то раз спросил Эди, когда мы сидели на заборе возле местной школы. Ветер трепал его отросшие темные кудри.

— Что в конце все целуются? — фыркнула я, болтая ногами.

— Нет, — он улыбнулся, глядя куда-то вдаль своими невероятными зелеными глазами. — То, что герои всегда знают, что сказать. А в жизни люди всё время говорят глупости. Или молчат, когда нужно говорить.

Я тогда не придала значения его словам. Но вспомнила их пару лет спустя, когда мне исполнилось тринадцать.

Глава 5

Это был тот самый неловкий возраст, когда всё вокруг становится слишком сложным. Эдриану было уже пятнадцать. Он сильно вытянулся, его плечи стали шире, а голос сломался, приобретя приятную, бархатистую хрипотцу. Я всё чаще ловила себя на том, что стесняюсь переодеваться при нем, хотя еще недавно мы могли спокойно бегать в одних пижамах.

В тот вечер он вместе с дядей Ричардом остался у нас на ужин. После того, как мы поели, Ричард помог мне собрать сложный макет для школьного проекта по биологии, с которым я мучилась всю неделю. Он так терпеливо объяснял мне, куда клеить детали, и так по-доброму улыбался, что меня захлестнула волна абсолютной, искренней любви.

— Спасибо, папочка, — вырвалось у меня совершенно непроизвольно, пока я обнимала его за шею.

Глаза Ричарда тепло блеснули. Он ласково похлопал меня по спине, явно растроганный.

Но Эдриан, собиравший со стола тарелки, вдруг замер. Я услышала, как звякнула вилка, выпавшая из его руки.

Когда Ричард ушел на кухню к маме, Эди резко повернулся ко мне. В его глазах, обычно таких спокойных и мягких, плескалась настоящая буря и недовольство.

— Он не твой папа. Зачем ты так его назвала? — процедил

он каким-то чужим, холодным голосом.

Я растерялась. Я совершенно не понимала, чем вызвала такую реакцию у своего лучшего друга.

— Мне хочется его так называть, — упрямо ответила я, скрестив руки на груди. — Да и Ричард не против! Так что он тоже мой папа, а значит, ты — мой брат. Я бы очень хотела иметь брата. А ты?

Я искренне ждала, что он улыбнется. Что он скажет, что тоже рад стать со мной одной семьей, ведь у меня никого не было, кроме мамы. Но его реакция оказалась другой.

Лицо Эдриана исказилось от какой-то непонятной мне боли и глухой злости. Он отступил, словно мои слова физически его обожгли.

— У меня уже есть брат! — почти прокричал он, сжимая кулаки так, что костяшки побелели. — И я сказал тебе: не называй его папой! Что за глупая девчонка!

Не сказав больше ни слова, он развернулся и, тяжело ступая, направился к двери, ведущей в цокольный этаж. Через секунду она с грохотом захлопнулась, оставляя меня стоять посреди гостиной в полном недоумении.

Мне стало очень обидно, а на глаза навернулись слезы. Я ведь просто хотела, чтобы мы стали еще ближе.

После того ужина между нами словно выросла невидимая стена. В последующие дни мы с Эди почти не разговаривали, ограничиваясь сухими приветствиями и старательно избегая встречаться взглядами. Эта внезапная колючая отстра-

ненность, конечно же, не могла укрыться от мамы.

В один из её редких выходных дней мы сидели за обеденным столом.

— Как дела на работе, мам? — спросила я, отчаянно пытаясь нарушить повисшую над столом тяжелую тишину.

Мама устало, но тепло улыбнулась.

— Смены в реанимации на этой неделе выдались просто сумасшедшими, — со вздохом призналась она, подкладывая мне салат. — Поступило много тяжелых пациентов. Если честно, я просто счастлива, что сегодня могу никуда не бежать и спокойно провести время с вами.

Казалось, её искренность и расслабленное настроение должны были хоть немного разрядить обстановку, но Эдриан по-прежнему мрачно ковырялся вилкой в своей тарелке, словно нас здесь вообще не было.

— Знаете, Рождество уже на носу, — воодушевленно продолжила мама, отпивая чай. — Как насчет того, чтобы на выходных махнуть всем вместе по магазинам? Выберем подарки, купим новых украшений для елки, потом посидим где-нибудь, съедим по десерту...

— Спасибо, Сара, но я пас, — быстро ответил Эди, даже не подняв на нее глаз. — Скоро конец четверти, сами понимаете. Мне еще нужно готовиться, закрывать зачеты и подтягивать оценки.

От его глухого, закрытого тона мне стало еще более неуютно. Я вжала голову в плечи и уставилась в собственную

тарелку.

Мама медленно поставила чашку на блюдце. Её улыбка погасла. Она перевела внимательный, проницательный взгляд с насупившегося Эдриана на меня.

— Так, — её голос зазвучал тише, но гораздо серьезнее. — А ну-ка выкладывайте. Что у вас случилось?

Воздух на кухне вдруг стал таким густым, что его тяжело было вдыхать. Я судорожно сглотнула, чувствуя, как под внимательным взглядом мамы у меня начинают гореть уши.

— Ничего не случилось, — слишком быстро и неестественно высоким голосом выпалила я. — Правда, мам. Просто... школа. Уроки.

Мама даже бровью не повела на мою неубедительную ложь. Она перевела выжидающий взгляд на Эдриана.

Эди напрягся так, словно его ударило током. Его скулы дернулись. Он резко отодвинул стул, отчего ножки неприятно скрипнули по полу, и подхватил свою наполовину полную тарелку.

— Ничего не случилось, Сара. Николь права, — сухо бросил он, избегая смотреть и на меня, и на нее. — Спасибо за ужин. Было очень вкусно. Но мне правда нужно идти учить историю.

Не дожидаясь ответа, он быстро отнес тарелку в раковину и почти бегом скрылся за дверью, ведущей в цокольный этаж. Как и в тот вечер, когда мы поссорились.

Я осталась сидеть за столом, ссутулившись и чувствуя се-

бя самой несчастной тринадцатилетней девчонкой на свете. Аппетит пропал окончательно.

Мама тяжело вздохнула. Она отставила свою чашку с чаем, мягко, но настойчиво накрыла мою ладонь своей и посмотрела мне прямо в глаза.

— Ники. Я же вижу, что между вами словно кошка пробежала. Эдриан сам на себя не похож. Что случилось?

Я шмыгнула носом, чувствуя, как к горлу подкатывает тот самый жесткий ком обиды. Мне так отчаянно хотелось поделиться этим с кем-то, что слова полились сами собой:

— Я ничего плохого не говорила! — с отчаянием прошептала я. — Я просто сказала дяде Ричарду, что он мне как папа. А потом сказала Эди, что раз так... значит, он мне как брат. Я просто хотела сказать, что они — моя семья! А он... он сказал, что у него уже есть брат, назвал меня глупой девчонкой и ушел!

Я ждала, что мама начнет меня жалеть, возмутится поведением Эдриана или скажет, что он просто не в духе. Но вместо этого выражение ее лица вдруг неуловимо изменилось. Тревога в ее глазах сменилась каким-то странным, глубоким пониманием. Губы едва заметно дрогнули, сдерживая то ли улыбку, то ли тяжелый вздох.

Она мягко погладила меня по руке.

— Ох, милая моя, наивная девочка... — тихо протянула мама, качая головой.

— Что? — я непонимающе нахмурилась. — Что я сделала

не так?

Мама смотрела на меня с такой нежностью и сочувствием, что я почувствовала себя совсем маленькой. Она еще крепче сжала мою руку.

— Ты не сделала ничего плохого, милая, — мягко сказала она. — Твои намерения были самыми чистыми. Ты просто... не совсем понимаешь, что происходит в голове у пятнадцатилетнего парня.

Она сделала паузу, подбирая слова.

— Видишь ли, Ники, вы с Эдрианом уже не те дети, что вместе смотрели мультики. Особенно он. В его возрасте... мир начинает выглядеть иначе. И чувства становятся... сложнее. То, что для тебя — просто дружба, самая крепкая и лучшая на свете, для него может быть уже чем-то другим. Или он надеется, что когда-нибудь станет чем-то другим.

Я смотрела на маму, широко раскрыв глаза. Ее слова звучали странно, как головоломка из книжки, которую я никак не могла разгадать. Чем-то другим? Чем дружба может быть «другой»?

— И вот, когда ты назвала его братом, — продолжила мама, внимательно следя за моей реакцией, — для тебя это было высшее проявление любви и доверия. Ты хотела сказать: «Ты для меня самый близкий человек, ты — семья», правильно? А он, скорее всего, услышал совсем другое. Он услышал: «Ты для меня только как брат, и никогда не будешь никем другим». Понимаешь? Для него это прозвучало так,

будто ты захлопнула перед его носом дверь, в которую он, может быть, только-только набрался смелости однажды постучать.

Я молчала, пытаясь переварить услышанное. Эдриан... мой Эди... хотел быть мне не-братом? Эта мысль была настолько дикой и чуждой, что мозг отказывался ее принимать. Но то, как исказилось его лицо в тот вечер... В свете маминых слов все это вдруг обрело новый, пугающий смысл.

Щеки вспыхнули. Мне стало неловко, стыдно и почему-то очень грустно.

— Так... что же мне теперь делать? — прошептала я, чувствуя себя ужасно виноватой.

— Ничего, — покачала головой мама и, наконец, отпустив мою руку, притянула меня к себе. — Просто дай ему немного времени. Он остынет. А ты просто будь собой. Будь его лучшим другом. Все наладится, вот увидишь. Просто... вы оба сейчас вступаете в очень сложный и запутанный возраст.

Она гладила меня по волосам, а я уткнулась ей в плечо, чувствуя, что мой простой и понятный мир, где мы с Эди были просто «мы», в этот самый момент треснул и начал безвозвратно меняться.

Глава 6

В последующие дни после разговора с мамой я чувствовала себя так, словно ходила по тонкому льду. Мамины слова эхом звучали у меня в голове каждый раз, когда Эдриан оказывался поблизости.

Мы столкнулись вечером на кухне. Он наливал себе воду, а я зашла за яблоком. Повисла тишина — какая-то густая, смущающая. Я вдруг поймала себя на том, что впервые смотрю на него не как на товарища по детским играм. Я вдруг по-настоящему заметила, как сильно он вытянулся за этот год, какими широкими стали его плечи, и как упрямо падала на лоб темная прядь волос.

Эди обернулся, поймал мой взгляд, и его кадык нервно дернулся.

— Привет, — хрипловато бросил он, отводя глаза.

— Привет, — пискнула я, чувствуя, как щеки заливает предательский румянец.

Он коротко кивнул и вышел, а я осталась стоять посреди кухни, слушая гулкое биение собственного сердца.

К Рождеству колючее напряжение между нами немного спало, уступив место осторожной неловкости. Утром, когда мы все собрались в гостиной у елки, пахло хвоей, корицей и маминым блинчиками. Мама, отработавшая свои тяжелые смены в реанимации, выглядела уставшей, но абсолютно

счастливой.

Единственное, что слегка омрачало этот уютный утренний покой — пустующее место за столом. Коула с нами не было.

Ему было уже двадцать, но после окончания школы он так никуда и не поступил, перебиваясь случайными подработками то в автомастерских, то на стройках. Дядя Ричард никогда не давил на него с учебой, но напряжение между ними всё равно росло с каждым годом.

Мама, ставя на стол блюдо с горячими блинчиками, с легкой тревогой выглянула в заиндевевшее окно. Там, у обочины, сквозь падающий снег виднелся старый пикап Ричарда. На водительском сиденье угадывался мрачный темный силуэт.

— Рик, он правда собирается просидеть в заведенной машине всё утро? — с искренним расстройством спросила мама. — Рождество же! Пусть хотя бы зайдет выпить горячего кофе и съест блинчик. Никто не будет к нему приставать.

Дядя Ричард тяжело вздохнул, ставя кружку на стол, и устало потер переносицу.

— Оставь его, Сара, — с горечью в голосе ответил он. — Ты же знаешь Коула. Для него этот дом, елка, подарки... это всё слишком "правильно". Слишком похоже на нормальную жизнь, которую он наотрез отказывается принимать. Ему кажется, что если он переступит этот порог и расслабится, то предаст память матери.

Эдриан при этих словах помрачнел и опустил взгляд, бездумно ковыряя вилкой край блинчика. Я знала, что упрямство и отчужденность старшего брата сильно его ранят, хоть он этого и не показывал.

— Мы договорились, что как только тут закончим, мы втроем поедем в старый круглосуточный дайнер на шоссе, — добавил Ричард, стараясь звучать бодрее. — Закажем бургеры, картошку фри и молочные коктейли. Это наша странная, но обязательная рождественская традиция. Так что не переживай, Сара, один он не останется.

Мама понимающе, но грустно кивнула и похлопала Ричарда по плечу. Атмосферу нужно было срочно спасать.

Когда дело дошло до подарков, мы с мамой переглянулись. Я вытащила из-под елки большую плоскую коробку, завернутую в серебристую бумагу, и протянула ее Эдриану.

Он вопросительно поднял бровь, взял коробку и аккуратно надорвал бумагу. Когда он увидел логотип на картонной крышке, его глаза расширились. Он замер, словно перестал дышать.

— Это... Мне? Вы шутите? — Эди поднял на нас совершенно ошарашенный взгляд.

Он бережно провел рукой по гладкой крышке новенького, добротного ноутбука.

— Сара, это слишком дорого. Даже не знаю, что сказать, — произнес Ричард не менее смущенный таким размахом.

— Ничего не надо говорить, — мягко, но безапелляцион-

но отрезала мама, взглянув на Эдриана. — Мы видим, как много ты учишься и делаешь проекты. Тебе нужна своя техника, а не старый компьютер в библиотеке. Я взяла дополнительные смены и ничуть об этом не жалею, — с теплой улыбкой произнесла она.

— А я добавила все свои карманные деньги, — с гордостью, но немного смущенно вставила я.

— Спасибо, — его голос дрогнул, и он поспешно откашлялся. В его глазах блестел настоящий, неподдельный восторг. — Он отличный. Если со временем добавить сюда оперативки и поменять жесткий диск, машина будет просто летать... Я... Спасибо вам. Правда.

— Пожалуйста, – улыбнувшись, сказала мама и мягко погладила его по плечу.

Я же сидела, не зная, куда деть руки. Раньше я бы, наверное, тут же вскочила, бросилась Эдриану на шею и наговорила каких-нибудь глупостей. Но теперь, после того разговора с мамой и всей этой неловкой ситуации с чувствами...

Однако мне не пришлось долго мучиться: Эдриан сам подошел ко мне, уверенно приобнял за плечи и прошептал:

— Спасибо, Ники.

Я обняла его в ответ. На миг мне стало так уютно и хорошо, что захотелось задержаться в этом моменте подольше. От него так приятно пахло... Но Эди отстранился, еще раз взглянул на меня и нерешительно повернулся к маме. Он явно хотел обнять и её, но замялся, словно сомневаясь, умест-

но ли это.

Мама тут же перехватила инициативу и сама осторожно притянула его к себе. Эдриан, наконец, выдохнул и расслабился в её объятиях.

— С Рождеством, милый, — тихо сказала мама.

А потом настала моя очередь для подарка. Дядя Ричард с загадочной улыбкой вынес из коридора что-то высокое, накрытое плотной тканью.

— Это тебе, Ники, — сказал он, сдергивая ткань.

Под ней оказался настоящий телескоп. Он не был новым — на металлической треноге виднелись легкие потертости, выдающие его возраст, но сам корпус блестел так, словно его только что отполировали.

— Я нашел его на барахолке, — с гордостью пояснил Ричард, заметив мой восторженный взгляд. — Он подержанный, но механика отличная. Я сам перебрал его, смазал все детали и почистил линзы специальным раствором. Теперь в него можно разглядеть кратеры на Луне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.